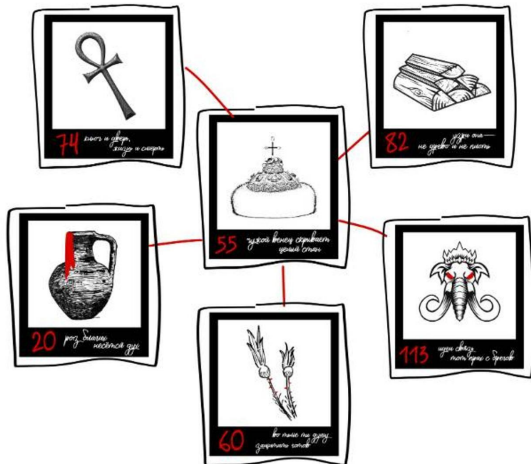

РОМАН КОЛЫМАЖНОВ

ЧАСТЬ 2

СКРЫТОЕ ОТ ВЗРА

Роман Колымажнов
Скрытое от взора. Часть 2
Серия «Скрытое от взора.
Скипетр Анубиса», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73414733

SelfPub; 2026

Аннотация

В Астрахани есть вещи, о которых не пишут в путеводителях. Древний купол скрывает город от настоящей магии. Забытые боги бродят по улицам в поисках силы. А двое случайных людей оказались в центре войны, где артефакты решают судьбы, а правда стоит дороже крови.

Один ищет сестру. Второй – мечь. Но нашли они друг друга. И теперь город под куполом никогда не станет прежним.

Содержание

ИНТЕРЛЮДИЯ. АНДРЕЙ КОТЛОВ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ (ТРИНАДЦАТАЯ)	12
ГЛАВА ВТОРАЯ (ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ)	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ (ПЯТНАДЦАТАЯ)	24
ИНТЕРЛЮДИЯ. ЕФИМ НИКОНОВ	28
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ (ШЕСТНАДЦАТАЯ)	40
ГЛАВА ПЯТАЯ (СЕМНАДЦАТАЯ)	46
ГЛАВА ШЕСТАЯ (ВОСЕМНАДЦАТАЯ)	55
ГЛАВА СЕДЬМАЯ (ДЕВЯТНАДЦАТАЯ)	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роман Колымажнов
Скрытое от взора. Часть 2

ИНТЕРЛЮДИЯ. АНДРЕЙ КОТЛОВ

Ноябрь 2023 года. Квартира Котловых.

Рак желудка в тяжёлой форме у отца диагностировали полгода назад. Все засуетились. В данном случае Андрей и мама. У Котловых родственников особо не было, да и друзей у семьи с годами поубавилось. Вдвоём они ходили по больницам, искали, чем и как помочь. Могли бы бегать втроем. Но отец сразу же погрузился в какую-то глубокую, смертельную апатию. Потерял всякий интерес к жизни. Хотя на первых порах его и можно было отвлечь любимой рыбалкой или поездкой на дачу. Но даже эти радости повседневности быстро потеряли всякий смысл для отца. Неделя за неделей огонь в глазах ослабевал.

– Андрюх, подойди поближе...

Андрей без раздумий встал с кресла, которое стояло в углу комнаты у окна. Медленно, как будто чего-то боясь, прошёл через всю спальню и сел на табуретку, стоявшую возле кровати отца. Последнюю неделю отец практически ни с кем не разговаривал. Лежал, отвернувшись к стене, и игнорировал любые просьбы – прогуляться, подышать воздухом

или даже просто поесть.

— Что такое? Может, есть хочешь? Давай принесу попить?
— Андрей привстал с табуретки, уже даже приготовился идти на кухню.

— Нет, нет... — мужчина говорил слабым, хриплым, еле слышным голосом, — ничего не нужно.

— Хорошо... — бессильно ответил Андрей и снова сел рядом с кроватью.

— Давай просто поговорим.

— Давай.

«Просто поговорим». Фраза отдалась в голове Андрея глухим эхом. С отцом просто говорить никогда не получалось. Он в целом был немногословным человеком. Всегда конкретно и по делу. Телевизор на кухне, пожалуй, был свидетелем более пространных бесед, чем кто-либо в семье. С Андреем же разговор проходил обычно по одному и тому же сценарию: как дела? И что-то там ещё сопутствующее. А тут — «давай просто поговорим»...

— Как там на работе твоей дела? — даже сейчас ничего не изменилось. Отец оставался верен себе.

— Хорошо всё. Второй год работаю на одном месте, уже показатель, можно сказать...

— Эт точно, — отец попробовал засмеяться, но улыбка сразу перешла в болезненный оскал. — Как с Мариной дела?

— Тоже всё отлично, — тут Андрею пришлось слукавить. С Мариной они расстались как раз в то время, когда отцу

объявили диагноз. А сказать как-то повода не находилось. Вернее, не хотелось лишний раз негатива нагонять. Марина родителям очень нравилась. Но как это часто бывает, не им с ней жить приходилось в постоянных бытовых ссорах.

– Молодцы! — справившись с приступом резкой боли, похвалил Сергей.

– Пап, давай хотя бы у окна постоишь? Я открою. Подышишь воздухом с улицы.

– Ну...

Не дожидаясь полного согласия, Андрей стал помогать отцу подняться из лежачего положения, сесть на край кровати и встать. С некоторыми сложностями, но это удалось сделать достаточно быстро.

– Помнишь, ты вон там, где тротуар кончается, с велосипеда упал и расшиб себе губу? — Сергей сделал глубокий вдох, поглощая лёгкими влетающий в окно прохладный ноябрьский ветер.

– Ага. Бросил велосипед и побежал домой. Я думал, ты такие мелочи не запоминал.

– Как его тогда не утащили сразу, чудо какое-то...

– Тебя все боялись, чего тут гадать.

– Да ладно, скажешь тоже, Андрюх.

– Ну как есть. Скажи же, у окна получше будет, чем в стену глазеть?

– Слушай, Андрюх, а твои вот эти приступы... как в школе было, продолжаются?

– Ты о чём?

– Значит, всё ещё видишь... — отец глубоко выдохнул, даже как-то немного обмяк. И резко утробно закашлял.

– Всё, всё, давай сядь, чего ты? — Андрей не стал вести задыхающегося от кашля отца обратно до кровати и посадил на кресло, которое стояло рядом. — Дыши!

Сергей пытался остановиться и перевести дыхание, но всё не получалось. Кашель перешёл в рвотные позывы. Язык – тусклое пламя жизни – вывалился изо рта. Такое уже случилось. И в последнее время довольно часто. Андрей взял отца за руку и крепко её сжал. Со всей силы. С болью. Как будто в этом рукопожатии заключалась вся реальность. И отец начал дышать. Рывками, но начал. Жуткие моменты, которые стали обыденностью. Нет ничего страшнее того, когда пугающее и ненормальное становится привычным.

– Лучше?

– Да вроде... Дышать хоть можно. Дай лягу...

– Посиди здесь, чего ты на эту кровать всё стремишься, успеешь ещё належаться... — наступила неловкая пауза. И спустя секунду оба дико засмеялись. Как-то истерически. Так не смеются. Это смех, чтобы скрыть боль. Крик скорее.

– Ляпнул, конечно...

– Да не, смешно, правда, что уж, — Сергей снова скорчился от боли. То ли справляясь с ней, то ли о чём-то задумавшись, он на секунду затих, устремив взгляд в пол.

– Сейчас попить принесу, — Андрей вышел из спальни

и через некоторое время вернулся уже со стаканом воды.
— Держи.

— Спасибо. Андрюх, я тебе, — Сергей сделал долгую паузу, покачал головой, принимая окончательное решение во внутреннем диалоге, — я тебе никогда не говорил. Но дед твой Захар, батя мой, тоже ведь странным был.

— Тоже... Ну, понятно...

— Мама рассказывала, что он постоянно где-то пропадал. На какие-то собрания ездил... Я ж его и не знал...

— А ты его, получается, совсем не помнишь? Вы как-то про него никогда особо не говорили.

— Мне пять лет было, когда он пропал. Только по фотографиям и знаю его, да по рассказам маминым.

— Бабушка всегда говорила, что дед работающим был, рукастым. И ничего про какие-то странности или что-то необычное. Приговаривала вечно, что я не в Котловскую породу пошёл.

— Вот дура старая... — Сергей всё же сделал глоток воды и продолжил. — Дед, ну, батя, действительно, хороший мужик был, я думаю, но что-то с ним случилось. Поменялся он в одночасье. Начал рассказывать про то, чего быть не могло. Бред... И всё записывал... Говорил, что прошлое знает... какое оно на самом деле...

— И про всякую нечисть?

— Ага... про купола какие-то... ведьм... — Сергей говорил так, словно не верил, что произносит эти слова. И в то же

время с ноткой облегчения. Судьба отца для него — неприятная страница всей жизни.

– Погоди, дед делал записи? И ты не читал его записи? Не пытался разобраться?

– Записки сумасшедшего? Зачем они мне? Да ещё когда с тобой стало твориться вот это всё в школе... Я испугался. Вдруг какая семейная зараза. Наследственная...

– Ты их оставил? Записи. Где они сейчас? Где дедовские дневники? — всполошился Андрей.

– У бабки твоей в Каралате, на чердаке.

– Почему ты раньше ничего не говорил? Я ж себе места не находил, изгоем практически стал. А ты смотрел и молчал! Переубедить ещё пытался.

– Андрюх, прости!

– Почему?

– Не для нас всё это было. Пойми. Он меня бросил! Он выбрал ту жизнь, где мне не было места. А была какая-то там Артель! И я тебя теряю, Андрюх. С самого детства. С каждым твоим приступом. Не глупи... всё это до добра не доведёт... — Сергей сделал небольшую паузу. — Я хотел быть для тебя нормальным отцом...

– Деда, получается, психом все считали, а ты даже не разобрался. Я когда в деревне бывал у бабушки, все глаза отводили. Теперь понятно почему. И ты хочешь, чтобы я тоже всю жизнь боялся и молчал? Нет. Я докажу, что Артель существует, что мои видения – реальность!

– Андрюх?

Андрей продолжал возмущаться. Он не злился конкретно на отца, он злился на весь мир. На несправедливость. Он любил отца.

– Андрюх!

– Что? — опомнился Андрей.

Отец молча указал слабой рукой на кровать.

Утром Сергея Захаровича не стало. Андрей сразу после похорон уехал в село Каралат. Пройдёт меньше года, как записи деда и собственная одержимость приведут его в скрытые подземелья Астрахани.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ТРИНАДЦАТАЯ)

13 июля 2024 года. Утро. Квартира Андрея Котлова.

В квартире царил полумрак. На кухне медленно закипал чайник, а из зала доносились звуки видеоролика с ноутбука.

«...Привет, меня зовут Антон Раков, вы на канале "Нечто ужасное". В мои руки попал зловещий артефакт. Череп вампирского младенца...»

Андрей вышел из ванной комнаты на звук неистово свистящего чайника. Он прошёл на кухню и выключил его. Достал из верхнего шкафа чайный пакетик. Залил его кипятком в любимом бокале. И медленно, о чём-то размышляя, прошёл в зал.

«...я ещё никогда не был так близок к чему-то действительно ужасному...»

На этом моменте Андрей выключил видео. Сел на компьютерное кресло и аккуратно сделал глоток чая. На столе перед ним лежал обычного размера ежедневник. На страницах были пометки с датами и имена, небольшие зарисовки.

Информация об обществе Основателей и его противоборстве с Артелью. Крупицы, но весьма ценные...

Это его личный архив, который он бережно создавал. И теперь хранил, хотя уже давно все записи перенёс на облачное хранилище. Но манускрипт — так он называл свой дневник — своей ценности не потерял. Котлов начал его вести ещё в детстве и постоянно дополнял.

Андрей сделал ещё один глоток чая и взял ежедневник в руки. Он листал его сотни раз, и десятки раз к нему приходили новые мысли, идеи и взаимосвязи. Он открыл обложку, пролистнул первый плотный лист, и его взгляд упал на страницу, заполненную убористым детским почерком. Воспоминание о первом видении. Андрей прочитал верхние строки.

«Привет, меня зовут Андрей Котлов. Мне 11 лет. Через неделю мой день рождения. И моя жизнь перестала быть обычной...»

Да, тот день Андрей помнил ясно, как если бы это было вчера. Но нет ни кома в горле, ни малейшего волнения. Постоянное прокручивание воспоминаний в какой-то момент привело к полной потере всякой сентиментальности. Тайны мира и его семьи конкретно, которые ему открывались, только закаляли. Он совсем не романтик и не мечтатель, а человек с чёткой целью, и путь к ней он пройдёт, несмотря ни на что. Пусть даже он соткан из воспоминаний, в которые никто не верил и не верит.

Андрей провёл пальцем по детским строчкам. Буквы поплыли перед глазами, и его снова затянуло в воронку того дня...

Май 2002 года. Школа № 23. Астрахань.

В классе стоял обычный для перемены гул. Шум складывался из криков, беготни и пинания портфелей. Часть мальчишек столпилась у доски и обсуждала предстоящую футбольную игру между классами. Решали, кто будет на воротах, кто в обороне, кто в нападающих. Андрей в этом обсуждении активного участия не принимал. Со спортом у него не особо ладилось. Вернее, с командными играми. Но краем уха Андрей всё же ловил главные мысли одноклассников о предстоящем матче. И параллельно наблюдал за девочками. За той их частью, которая всеми без исключения считалась самой красивой. Компания из четырёх школьниц хихикала, читая ответы в анкете для друзей.

Звонок, как всегда, неожиданно прогремел металлическим звоном. Все стали расходиться по своим местам. Кроме футболистов, которые продолжали активно обсуждать стратегию для победы. Они, естественно, не заметили, как в дверях появилась Ирина Петровна. Учитель истории и общественности окинула класс взглядом. Подняла с пола бумажный самолётик, который секунду назад аккуратно приземлился у её ног. И, мило улыбаясь, прошла к учительскому столу.

– Футбол — это, конечно, бесспорно, важно! Но, может быть, вы всё же отвлечётесь и уделите внимание истории? — сказала Ирина Петровна громким, поставленным голосом. При этом без единой нотки возмущения или недовольства.

– Ой...

– Всё, потом...

– Простите...

Полетели короткие возгласы от футбольной команды. Секунды — и все сидели на своих местах.

– Доброе утро, класс!

– Доброе утро! — поприветствовали учителя школьники, встав как один со своих мест.

– Садитесь...

Ирина Петровна тоже села. Подтянула к себе учебник и, воспользовавшись закладкой, открыла нужную страницу.

– Кто мне напомнит, на чём мы остановились?

Ирина Петровна быстро взглянула на класс и снова стала листать учебник.

– Понятно, лес рук...

– Вы рассказывали про формирование государственности у восточных славян... — зазвучал робкий голос одной из учениц.

– Верно, и что там у славян восточных происходило?

– На заре государства, дабы крепче оно было, прошло тайное вече, на котором было заключено соглашение о сокры-

тии... — Андрей говорил сбивчиво, это были не его слова. Они вылетали невольно, сами по себе.

По классу прокатились смешки.

– Что? Кто-то пересмотрел сериалов?

Ирина Петровна подняла голову как раз в тот момент, когда Андрей с чёткой речи перешёл на бормотание. Смешки затихли. Андрей задёргался, как будто бы в приступе эпилепсии, и упал на пол.

– Господи...

Андрей провалился в темноту. Последнее, что он услышал, был испуганный возглас учительницы. Последнее, что он почувствовал, – удар головой об пол. А потом... его вырвало из времени. И швырнуло в гущу незнакомых голосов и образов.

ГЛАВА ВТОРАЯ (ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ)

Чернота. Он провалился. Не в глубокую тёмную кроличью нору. Это было иначе. Его сознание уснуло, а тело осталось лежать на холодном полу. И в этой чёрной пустоте через мгновение заискрились световые точки. Словно в ночное небо полетели сотни искр от костра. И тут же, прорываясь как из-за стены, до Андрея стали доноситься голоса.

— Мы должны раз и навсегда решить, от этого зависит судьба наших земель, — это был глубокий, почти грозный мужской голос.

— Согласен с тобой, Радибор, порядок должен быть во всём, — теперь заговорил явно старец. — Доходят до меня слухи, в других землях уже принято решение!

— Что скажешь, Чура? — обратился к кому-то Радибор.

Искры костра, которые летали перед глазами Андрея, ослепили его яркой вспышкой, и следом стала вырисовываться неожиданная картина.

На поляне широким кругом стояли высокие каменные истуканы — Андрею показалось, что они похожи на славянских богов. Что-то подобное он видел в учебнике по истории. В середине этого круга горел высоким пламенем костёр.

Практически возле него стоял седобородый мужчина. Его длинные, также тронутые сединой волосы, спутанные и грязные, ниспадали на плечи. Старик повернул голову и обратил тусклые глаза на Андрея. В глубоких морщинах, похожих на трещины высохшей земли, заиграли тени от падающего на лицо света костра. Старец явно почувствовал на себе чей-то взгляд, но в пределах видимости он никого не разглядел. Андрей, ставший невольным свидетелем какого-то собрания, был наблюдателем, невидимым для его участников.

— А что ты хочешь от меня услышать? — заговорила девушка. — Я всё ещё не понимаю, чего вы от меня хотите.

Это заговорила Чура, как понял Андрей. Девушка в красивом сарафане, украшенном вышитыми рунами и амулетами, вышла из-за костра. Таких красивых девушек Андрей ещё не видел. Стройная, с длинными светлыми волосами и большими глазами. Кажется, голубовато-серого оттенка. Чура прошла вдоль костра и присела на большое бревно.

— Радибор, Жихарь, мы давно с вами по разным дорожкам идём, своими заботами заняты. Вроде друг другу дурного не творим. Так что за дело возникло? По мне, порядок и так есть...

Радибор сидел на том же бревне, на которое присела Чура. Андрей всё это время видел только его спину. По глубокому голосу и широте плеч мужчины он сделал вывод, что перед ним могучий воин.

— А что тут предлагать? Всё ясно как белый день, — за-

говорил спокойным тоном Радибор, — много в наших землях разных истин, и не дают они нам объединиться. Крепче, мощнее мы стать должны! Скатерть мы, сотканная из разных ниток, да только так и стремимся распуститься. Плохо это! Оттого я, Радибор, род от рода Сварога, сын первого богатыря, призываю вас в эту ночь и никак иначе создать основу! На ней строить будем государство единое!

— Не много ли берёшь на себя, сын первого богатыря? — не поддавшись высоким речам, спросила Чура. — Хочешь, чтобы под тобой все семьи, деревни и племена земель наших оказались? И ты поддерживаешь его, Жихарь? Что притих? Разве не принято, что не может власть большая в одних руках быть?

— Да, поддерживаю! — тут же ответил старец.

— Вот как, то есть ты сегодня от лица всех колдунов и колдуний двенадцати племён слово держишь, правильно понимаю?

— Правильно! С Радибором мы давно уже думы эти обсуждаем. Колдуны всех наших земель едины во мнении. Всех богов, духов, предков и еже с ними давно пора взять да свести для смердов к единому. Не будет толку в планах больших, покуда мы каждый сам по себе.

— Вот и получается, что власть вам нужна, а не единение! — возмутилась Чура. Девушка встала со своего места и оказалась напротив своих, теперь, как выяснилось, недругов.

— Чура, не горячись! — попросил Радибор всё так же спо-

койным, размеренным тоном. — Сядь, прошу, и послушай.

Чура продолжила стоять на своём месте, Радибор не стал давить и продолжил.

— Пойми, когда-нибудь это всё равно случится. Сама знаешь, уже вокруг все сплываются. Скоро они в наши земли придут. Тогда не будут разбирать, что тут у нас хорошо, а что плохо. Щуров всех забыть заставят огнём и мечом. И будет новый порядок. И в нём нам места, боюсь, не найдётся...

— В наших руках, — подхватил Жихарь, — и только в наших, история. Мы колдуны. Хорошо! Я владыка всех найденных знаний и круга колдунов двенадцати племён призываю тебя, Чура, верховная ведьма восточных земель, помоги нам!

— Помочь вам означает для меня предать всех, кто за мной стоит, всех моих сестёр и братьев. Вы хотите свести всё к единому, к кому? К тебе, Радибор? Перуну всю власть отдадите и его на трон посадите? А нам что делать? Пока Сварог ковал твоих предков, Радибор, мои были огнём в его кузне. Ветром, что раздувал этот огонь. Самим небом, под которым трудился древний бог. Мы, ведьмы и ведьмаки восточных земель, волей духов природы рождаемся и силами одарены. Станете порядки менять, и мы первые от этого пострадаем. Не могу я такого позволить.

— Так всё останется по-прежнему! — прервал Чуру Радибор.

— Как бы не так. Останется для людей всё, для народа твое-

го, да! Для колдунов тоже да. Им-то какая разница? Их списки со знаниями никуда не денутся. Закончатся, так они у кого угодно попросят. Хоть у Велеса, хоть у самого тартарского чёрта!

— Ты, ведьма, не заговаривайся! — заорал Жихарь. — Мы с тобой миром пришли говорить. Хотели бы вас извести, так бы и сделали. Дела пусть и долгие. С такой силой, как у вашего рода, чего нам от вас ждать? Если бы не скрепы старые, предками нашими сотворённые, вы бы уже давно всех чарами своими обволокли да в кандалы заковали...

— Жихарь, замолчи! — Радибор встал со своего места для убедительности.

— Да нет, пусть говорит, как думает, а не как напридумывал, чтобы меня в туман неведения завлечь, — Чура сделала шаг назад, скорее инстинктивно почувствовав нарастающую опасность. — Жихарь, ты, может, свои мысли вслух озвучиваешь? Сам бы всех в кандалы да под плеть? Это колдовское племя всё покоя не находит себе, всё в поисках знаний рыщет повсюду, как бы ещё чего такого выучить. Что познать, чтобы конца мощи не знать. Так ведь?

— Так, Жихарь, ты молчишь теперь! — приказал Радибор и, постаравшись смягчить голос, обратился к Чуре. Он медленно повернулся к ней. На его лице в свете костра вырисовывалось каменное спокойствие. — Я понимаю твои переживания. И я тебя позвал, потому что уважаю. Вы для смердов большую помощь несёте, и не могу я это отрицать. Да,

силой, мне и народу моему непонятной, обладаете, непостижимой. Но зла в сути не творите. С другой стороны, старый колдун верно говорит. Крепы есть. А что без них было бы? — Радибор тяжело вздохнул. — Вот что я предлагаю. Будет сегодня создан совет Основателей. Будет этот совет следить за тайнами, истинами и верами всеми. И не будут нарушаться законы старые... но... — Радибор резким движением схватил Чуру. Обращаясь к ведьме, он в то же время медленно к ней приближался. Воин поднял девушку над головой и, ни мгновения не сомневаясь, бросил её в огонь. Круг истуканов наполнился пронзительным криком, а в небо из костра ударил яркий тёмно-лиловый столб.

— Радибор! Зачем? Что ты наделал... — Жихарь упал на колени, потрясённый случившимся.

— Я так и знал, что с ней мы каши не сварим. Ведьма всегда думала, что она лучше других! Но попытаться стоило, — Радибор вытер о штаны руки с некоторой брезгливостью и вернулся на своё место.

— Зачем? — не успокаивался Жихарь. От безмятежности, с которой Радибор расправился с Чурой, колдуна затошнило. — Мы же миром хотели всё решить...

— Жихарь, ты вроде и взрослый мужик, и ума у тебя палата должна быть, а меня сейчас удивляешь. Сам же говоришь, дай ведьмам и ведьмакам волю, и они всё под себя подмять захотят. Не должно тому быть. Слушай меня и как следует запоминай. С этой ночи, как я и сказал, создаётся совет Ос-

нователей. На тебе и твоём племени будет дело следующее. Знания все тайные, богами и предками отданные, от смердов скрыть надо. Только я и род мой к ним доступ теперь иметь будем. Для тебя награда за предстоящие труды — тоже к ним можешь прикасаться и пользоваться, как и было прежде. Но смотри у меня. Если чего замыслишь неладного, окочуришься. По глазам вижу, понимаешь, что со мной тебе тягаться не получится, от всех козней твоих оберег у меня есть...

Жихарь медленно встал, даже и не думая отряхивать подол своей и без того грязной рубахи. Для него стало всё прозрачно. Либо сейчас принять новые правила, либо согнуться, как ведьма в костре. В голове его заметались тысячи мыслей, но все приводили к одному: каким бы сложным ни был дальнейший путь, ему предстоящая дорога нравится.

– Радибор, даю слово от себя и от всего круга колдунов двенадцати племён. Как ты скажешь, так тому и быть...

– Так тому и быть! — повторил Радибор. — Главное теперь одно: разберись со всем ведьмачьим отродьем восточных земель. Только тонко сделай, придумай, как их сил лишить, да так, чтобы смерды сами от них отказались и от знаний их. Будем мы новый порядок строить, и, не солгут мне мои предчувствия, станут наши земли куда богаче и крепче.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (ПЯТНАДЦАТАЯ)

Лето 2024 года. Квартира Андрея.

Андрей зажмурился, как будто отшатнулся от реального запаха гари и крика. Снова здесь. В тихой квартире. Где его история – всего лишь сумасшедший бред в глазах других. Тогда, 11-летним мальчиком, он так и не смог ответить себе, что с ним произошло. Он был в школе — темнота. Странное видение — темнота. Он на полу возле своей парты. Как сказала учительница: «Андрюш, тебе оттого, что ты мало ешь, стало плохо, и ты потерял сознание». То же самое Ирина Петровна практически слово в слово сказала родителям. Рассказам Андрея про Жихаря, Радибора и сгоревшую в костре Чуру, конечно же, никто не поверил. Родители пытались найти логичные объяснения, всегда.

А сверстники дразнили, задирали и били. Ведь кулаками всегда можно вразумить любого дурня, как кажется мальчишкам. В их мире прав тот, кто сильнее. Слова были пустым звуком, который затыкали кулаками. Доводы Андрея были с привкусом крови на губах. Ещё мальчишкой он понял, что его особенность должна стать тайной.

Тогда Андрей верил, как-то внутренне чувствовал, что увиденное им происходило когда-то в реальности — что-то

вроде воспоминания, а не какая-то дурацкая фантазия. Хотя пришлось всё же умерить свой пыл в попытках хоть кому-то что-то доказать. Попытку найти родную душу, которая поддержит, поможет и направит, он на время оставил. Как минимум для того, чтобы больше не водили к психологу. Специалист, может, был и хороший, но Андрею совсем не нужный. Только создающий дополнительные проблемы в школе, например. От клички «шизанутый дрюня» точно не избавил бы.

К счастью, школьные годы чудесные пролетели достаточно быстро. Но было сложно. Ведь приступы, путешествия, хроновоспоминания, называй как угодно, случались ещё.

После школы Андрей поступил на исторический факультет и вернулся к своим записям и изысканиям уже в полную силу. Прикрывался научной деятельностью. Начатый в далёком 2002 году дневник дополнялся фактами, найденными разными путями.

Под воспоминанием 11-летнего мальчика Андрей дописал в университетские годы:

«...Общество Основателей было создано князем смердов Радибором и колдуном Жихарем в середине IX века нашей эры. После чего практически столетие шла подготовка к первому сокрытию. Призвание варягов, языческая реформа, принятие христианства, гонение на ведьм и практически полное их истребление. Умышленное предание забвению ис-

тинной природы колдунов. Спустя десятилетия после разгрома уцелевшие ведьмаки и ведьмы создают общество "Артель". Его целью стала попытка вернуть старые порядки и уничтожить Основателей. Я потомок одного из создателей этого общества... И кажется, мы проиграли...»

«...ноябрь 2023 года. Спасибо, дедушка, теперь я точно знаю, что нужно делать...»

Андрей отхлебнул из кружки уже порядком остывший чай. Посмотрел на экран ноутбука. Там всё так же на столе стоял ролик Антона Ракова. Андрей пошевелил мышкой, свернул окно браузера с видео и открыл веб-версию мессенджера. Там ожидало своего часа окно диалога с Раковым. Желание пообщаться с ним родилось странным образом. Андрей списал порыв на интуицию. К тому же ролики блогера не были лишены скрытых тайн и смыслов.

Тишину комнаты наполнило щёлканье клавиатуры: «Привет. Даже и не знаю, с чего начать. Во-первых, Антон, обожаю ваш канал. Если вдруг будете в Астрахани, напишите мне. Давайте встретимся. Мне есть что вам рассказать. Во-вторых, я уверен, моя информация будет для вас очень ценной...»

Андрей уже приготовился отправить сообщение. Чего-то не хватало. Лесть, намёк на уникальность, миллионы просмотров? Стандартная схема для приманки блогера. Срабо-

тает. Уголки губ Андрея поднялись в лёгкой улыбке. И он дописал ещё одну фразу: «...поверьте, это не один миллион просмотров... Я уверен, моя информация перевернёт всё, что вы знали до сих пор. Это не просто сенсация – это ключ».

Секунда, и сообщение было доставлено.

ИНТЕРЛЮДИЯ. ЕФИМ НИКОНОВ

30 июля 2024 года. Раннее утро. Дом Ефима Никонова.

Полностью нагой Ефим Никонов стоял перед большой деревянной бочкой. Она была наполнена водой, в чёрной глубине которой мерцало расплывчатое отражение затёртого потолка. Мужчина в очередной раз окинул помещение взглядом. Закрытые шторами окна, лишь немного пропускающие дневной свет. Плотный запах сырости. Вот его мир. Вот так он и живёт, как слизень под камнем.

Небольшая комната на цокольном этаже старого фонда. Вот его пристанище без малейшего намёка на роскошь. Но ему того, что есть, достаточно. В дальнем углу — кровать, которой он, к слову, не пользовался по назначению. Иногда сидел на ней, читал. В другом углу — стол, который выполнял роль и письменного, и столового. А посередине комнаты бочка с водой и маленькая табуреточка рядом с ней. Она служила лесенкой, чтобы удобно было залезать внутрь ёмкости. Вот и всё убранство жилья. Аскетично, но при этом по-странному уютно.

Ефим какое-то время молча смотрел на бочку, затем мах-

нул рукой, как машинальное подтверждение принятого решения. Ближайшие несколько часов он проведёт полностью, с головой, погружённым в воду. Необходимая рутина. Вот уже больше трёх сотен лет он делает это каждый день. Хотя, как он когда-то выяснил, можно и не каждый день утруждать себя водными процедурами. Впрочем, погружение оказалось необходимым ритуалом. Это единственное, что связывает его с тем, что он когда-то называл жизнью. Не перестаёт смеяться над иронией судьбы: вода, источник жизни, стала его вечной тюрьмой.

Ефим залез в бочку, закрыл глаза и погрузился в воду. Холод обнял его, как старый знакомый. Вода заполнила уши, заглушив звуки внешнего мира. Как всегда, потекли воспоминания. Приезд в Астрахань. Тёмные воды Волги, которые когда-то стали его спасением и проклятием одновременно.

– Почему я? – пронеслось в его голове, но ответа не было. Только вода, тихая и бесконечная, как его существование.

Июль 1722 года. Астрахань. Никольская пристань.

– Как труды твои продвигаются? – раздался голос за спиной.

– Хорошо, не отвлекайте, просил же, – ответил Ефим, не отрываясь от последних приготовлений «Потаённого судна» к скорому погружению. Слово «судно», по личному мнению самого изобретателя, не совсем удачное для обозначения его

творения. А называть его потаённой бочкой было как-то не солидно. Самый простой и понятный вариант «подводная лодка» его пытливому уму почему-то не пришёл.

– Своему благодетелю можно подробнее обстановку доложить, не считаешь?

Ефим вздрогнул. По тону и содержанию замечания он быстро догадался, кто стоит позади него, ещё до того, как обернулся.

Перед ним стоял сам император Пётр Алексеевич.

– Извините, не признал... – засуетился изобретатель, нервно сглатывая.

– Ладно, ладно, не ёрзай, – заулыбался самодержец, дружески похлопав Ефима по плечу. И тут же отвлёкся на мачты кораблей, которые готовились к отплытию.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая воду в золотистые тона. С реки рывком подул прохладный ветер, на мгновение развеяв запах рыбы и только что выгруженных пряностей. Через мгновение Пётр Алексеевич продолжил как ни в чём не бывало:

– Что там у тебя? Рассказывай.

– Так, – Ефим всё же не мог обуздать волнение. – Проверил всё, государь. Основание крепкое, от столкновения с дном речным не проломится. Все швы законопатили дважды, лично проверил. В общем, не подведу в этот раз.

– Ох, надеюсь, Прокопьевич. Надеюсь. Важная на тебе миссия. Помнишь, да? Осторожно, без лишних движений.

Спускаешься, смотришь, как поживает наш друг, и обратно. Нам главное – понять, как дальше действовать. И почему тут скрытое в реальный мир проникает...

– Выясним, государь...

– Остров у города размеры то и дело меняет. Я уж не говорю о том, что и вовсе то появляется, то исчезает. Горожане уже начинают шептаться, негодяи из «Артели» суется, надо всё тонко объяснить... У меня, конечно, есть идея канал прорыть, но это второстепенное...

– Понимаю, государь, оттого и тут уже с самого утра.

– Ты давай, не изматывай только себя, отдохни. До погружения ещё время есть, пойдём поужинаем, а? Тут осетринка уж очень вкусная.

– Да нет, что вы... не по моему чину еда.

– Тебе государь говорит, считай – не обсуждается.

Ефим проверил, закрыт ли люк в «потаённое судно», и потрогал все тросы, убеждаясь, что всё в порядке. Его пальцы дрожали, но он взял себя в руки и побежал догонять императора. Тот уже медленно поднимался по деревянным настилам к Никольским воротам астраханского кремля. Ефим в последний момент притормозил и следовал от императора на расстоянии, чтобы не привлекать лишних глаз.

После сытного и очень вкусного ужина в компании императора и местного губернатора Ефим ещё больше занервничал. Изобретателю сегодняшней вечер показался почему-то более странным, чем наличие в реке у города огромного со-

ма — духа природы. Может быть, оттого что сидел за столом с первыми лицами государства он впервые, а всякую «скрытую от взора» невидаль уже довелось встречать в Санкт-Петербурге. С этими мыслями Ефим вернулся на пристань. Там уже суетился народ. С пришвартованного брига капитан, не жалея крепких слов, торопил амбалов, так тут называли грузчиков. Те же, окружив «потаённое судно», не решались к нему подойти и оживлённо обсуждали диковинку.

— Да чтоб вас! — орал капитан брига. — Чего вы там копаетесь? О, Ефим, дай-ка им нагоняй, — переключился он, заметив изобретателя.

— Чего смотрим, отвязывайте крепёжные тросы и вперёд! — сразу же рявкнул Ефим.

Спустя полчаса бриг с погруженным на него «потаённым судном» отчалил на середину реки. Стоял штиль. По воде доносился шум активной торговли вечернего базара. Стояла почти безлунная ночь, и тайная операция вряд ли привлекла бы чьё-либо внимание.

После последних приготовлений и указаний команде Ефим забрался внутрь «потаённого судна» и задраил люк. И тут навалилось. Замкнутое пространство, свет лучины и явный недостаток свежего воздуха. Всё сыграло злую шутку с Ефимом. На него нахлынула секундная паника. Он почувствовал, как сердце его заколотилось, а руки вспотели. Но он глубоко вдохнул, собрался с мыслями и постучал в деревянный борт. Знак, что можно начинать погружение.

Темнота за маленьким иллюминатором сменилась крошечной тьмой глубины реки. Долгое, томительное ожидание, и вот наконец подводное судно остановилось от резкого толчка снизу. Дно. Ефим пошарил рукой под лавкой, на которой сидел, и достал небольшой мешок. В нём был бурдюк с водой, хлебная лепёшка и завёрнутые в ткань «очи» — ещё одно изобретение Ефима. Если быть точнее, он доработал идею уральских колдунов. Каменный круг с отверстием посередине, в которое вставлено тончайшее малахитовое стекло. Малахит хорошо помогает в общении с духами. А стекло из него, как выяснил Ефим опытным путём, ещё и поглядеть на них позволяет. Но работает только с духами природы. В общем, с помощью этого нехитрого, на первый взгляд, приспособления можно наблюдать сущности, скрытые от взора простого человека.

Ефим вставил «очи» в специально подготовленные крепления иллюминатора «потаённого судна». В то же мгновение вода стала прозрачной, словно её и не было. Даже показалось, что она больше не сдавливает судно и не гудит своей тяжестью. Дно проглядывалось на десятки метров вперёд. И там ничего не было. Ефим дёрнул небольшую ручку. Наверху, на бриге, зазвенел колокольчик, сигнализируя, что судно нужно повернуть по часовой стрелке. Оборот раз – и ничего. Оборот два – и Ефим почти закричал от удивления. Перед ним в некотором отдалении отчётливо виднелось чёрное туловище сома и его огромный, медленно покачивающийся

плавник.

Ефим отпил воды из бурдюка, прикинул дальнейшие действия и дёрнул ручку два раза. Команда должна была сделать пол-оборота в том же направлении. Она так и сделала. Рыба была действительно гигантской, не зря её прозвали сом-ба-тюшка. В поле действия «очей» попал толстый ус и огромный глаз. Ефим сделал ещё один глоток воды. В горле пересохло от волнения. Первое же погружение и такое удачное. Гигант вроде чувствует себя вполне нормально. Видимых проблем не обнаруживалось. Вот, пожалуй, и всё, рассудил Ефим. Осталось без происшествий подняться обратно на бриг, записать наблюдения, доложить государю и ждать дальнейших указаний.

Ефим уже потянулся к ручке, чтобы дёрнуть три раза и начать подъём, как что-то ударило в борт бочки снаружи. Ещё удар. Уже сильнее. Ещё. Ефим задёргал за командную ручку в испуге, даже в глубоком ужасе. Отчасти в глубине души он уже понимал: команда ему не поможет. Там наверху, на бриге, капитан и несколько матросов при тусклом свете фонаря с ужасом наблюдали, как трос и дыхательная трубка, ускоряясь, разматываются.

После очередного, самого сильного удара «потаённое судно» с Ефимом внутри перевернулось. Герметичность конструкции нарушилась, и из щелей стала просачиваться холодная речная вода. Последнее, что Ефим увидел через малахитовое стекло, – это огромный неподвижный глаз со-

ма-батюшки. Затем – тьма.

30 июля 2024 года. Раннее утро. Дом Ефима Никонова.

Над поверхностью воды появилась сначала голова, а потом и всё тело. С кожи вязкими нитями стекала слизь. Ефим не делал фотографий «до и после», но точно знал, что погружение в бочку с водой меняет его в лучшую сторону. Добрым молодцом после котла с парным молоком не становился, но всё же. Он старел, да, очень медленно, но старел. По собственным внутренним ощущениям, сто лет для него были примерно как пять лет для обычного человека. Он прибыл в Астрахань с императором, когда ему было ближе к 30. Сейчас, спустя три столетия, он ощущал себя примерно лет на 45. Это достаточно твёрдая информация. В отличие от ответов на вопросы, которые он задавал себе каждый день.

1. Кто перевернул его «потаённое судно» там, на дне Волги?
2. Как оно оказалось здесь, в этой квартире, и стало его спасением и проклятием?
3. Есть ли способ уехать из Астрахани? Разорвать невидимые пути?
4. Сколько он так может прожить?
5. Что он такое вообще?

Вопросов к себе и миру за триста лет накопилось куда больше. Но именно этот список был личным ТОП-5. Не считая главного: почему и как именно ОН стал таким?

Ответ на первый вопрос был самым простым и самым терзающим душу, наверное. Даже спустя столько лет Ефим не знал, кто напал на него в ту злополучную ночь. Второй вопрос также оставался без ответа. Хотя предположения, конечно, были. Это мог сделать сам нападавший. С какой целью? Снова вопрос, и снова без ответа. Ещё один вариант – это кто-то из местных скрытней. Ефим скрытнями называл всех без разбора: призраков, чертей, богов, духов природы, других различных сущностей. В общем, всё, что было скрыто от обычных людей.

И все эти противные, в большей или меньшей степени, существа молчали. Только перешёптывались за спинами.

У третьего вопроса был чёткий ответ, при этом Ефим не терял надежды. Он пробовал уехать. Но за границами Астраханской губернии так невыносимо тяжело становилось физически, что приходилось возвращаться. Пробовал уезжать вместе с бочкой. Ох, и приключение было! Но тоже не помогло. Вода в бочке будто теряла все свои волшебные свойства вдали от родной земли. Начинала протухать и вонять, как рапа солончака в летнее пекло. Получалось, что из доступных ему решений ни одно не работало. Из интересного ещё: воду из бочки невозможно вылить. Никакими способами. Получается, вода в бочке была с ним одного возраста, и

любая другая вода целебного свойства не имела. Чтобы спокойно и комфортно существовать, нужно погружаться каждый день. Это выяснилось опытным путём – времени понять это у Ефима было предостаточно. Отсюда же вытекал ответ на четвёртый вопрос: как долго он может прожить, если постоянно будет купаться, и что будет, если этого не делать?

Однажды Ефим чуть не довёл себя до безумия. Хотел узнать, сколько можно продержаться без специальной процедуры купания. Оказалось, что достаточно долго. Он может не есть, не спать и «жить». Рекордом Ефима был год. К окончанию которого он плохо соображал, его преследовали беспорядочные видения, он буквально зверел. И платой за такой эксперимент стали два года восстановления. Да, целых два года он просидел в бочке. Проще прошло заживление ножевого ранения, которое он случайно получил в одном из кабаков. В общем, после годового испытания на прочность он старался всегда совершать погружения и пропускал их только в случае крайней необходимости.

Скорее всего, если ничего не изменится, он проживёт ещё столько же, а может, и два раза по столько. Интересно, будет ли у него старость? Или он однажды растворится в воде, и бочка наконец-то станет его последним пристанищем? О смерти он думал. Не так часто, как об остальном, но думал. Чаще же голову занимали мысли о смысле его странного существования.

Да, поначалу, после того как ушёл шок от произошедшего,

его пытливым ум ударился в поиск ответов. Пробовал продолжить жизнь как ни в чём не бывало. Он даже немного с годами стал ругать себя за то, что не пустился в кураж. Но как-то он не приучен к шумному веселью. К труду – да, но не к пьянкам. Очень быстро стало весьма уныло. Наверное, оттого что оказался привязан невидимыми нитями к Астрахани. А может, оттого что быть бессмертным в Новое время скучно. День сменяется днём, годы проходят, а ничего не меняется. В жизни целых поколений нет никаких глобальных изменений. Дворяне живут свою жизнь в красках, мужики свою – в совершенно других, женщины и дети – в третьих, и эти краски не меняют своего тона десятилетиями. Если всякие потрясения не брать в расчёт: эпидемии, войны, дворцовые перевороты.

Ефим, наверное, единственный на всей земле, кто очень хорошо понял тайную суть персонажа – графа Дракулы. Не романтичного вампира, а того, что в книге – затворника в замке, который за сотни лет ко всему остыл и от скуки готов был на любое свинство. Вечность – это не про любовь. Вечность – это про запредельную, тошнотворную скуку. Потому Ефим, чтобы вдруг не повторить судьбу стокеровского кровопийцы в части угнетающей стагнации, решил найти хоть какой-то смысл своего хождения по земле.

Однозначно смирился с тем, что быть ему в Астрахани не один десяток лет ещё. И стал работать на городской совет скрытней. Поручения различные выполнять. Стал «мальчи-

ком на побегушках». Грубо, но полностью описывает суть работы. Так полетели годы.

С приходом века двадцатого жизнь изменилась. Ефиму как изобретателю очень понравились промышленная, индустриальная, информационная революции. Бурление. Да, стало очень интересно. Теперь всё могло кардинально измениться за день. Он увидел, как уже в двадцать первом веке без особых усилий «скрытое от взора» окончательно спряталось за короткими видео в социальных сетях.

И вот он здесь, как и все триста лет: немного изгой, немного мечтатель, немного «мальчик на побегушках», много личный помощник Анубиса с недавнего времени...

И кто он в итоге такой? Ответ на пятый вопрос туманный. Он точно не человек. Хотя — вот он! В человеческом облике, обтёрся полотенцем, оделся. И приготовился выходить из дома, чтобы сделать доклад городскому совету.

Он — хозяин без двора. Он — водяной без своего речного надела.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ (ШЕСТНАДЦАТАЯ)

30 июля 2024 года. Вечер. Логово Анубиса.

Четыре дня в Астрахани для Ракова оказались судьбоносными. Он ехал сюда за поворотным выпуском своего шоу «Нечто ужасное», который должен был встряхнуть его блогерскую карьеру. Но он получил нечто большее. Прикоснулся к тайному, к потустороннему. Он так долго об этом мечтал. А тут как будто кто-то развязал мешок с чудесами: выдуманная история про сома-батюшку оказалась правдой, призраки существуют, и они могут общаться с нами, Дюма был исследователем сверхъестественного, можно пожать руку египетскому богу Анубису. В общем, голова шла кругом.

После рукопожатия с шакалоголовым Ракова сразу отвели в небольшую комнату без окон и дверей. Как только он в неё вошёл, его накрыла такая усталость, будто его подкосили ударом дубины по голове. Практически сразу Антон уснул. И, увы, не сладко. До самого последнего моргания перед засыпанием его колотила тревога. Далее беспокойство продолжилось. Его бросало из глубокого сна в болезненную дремоту, когда в голове, словно стая беспокойных воронов, мечут-

ся мысли. Все приключения последних дней слились в какой-то момент в причудливое сюрреалистическое сновидение...

Антон шёл вдоль стеллажей. Им не было конца, куда ни кинь свой взгляд. Длинная кишка гардеробных штанг, на которых висели полупрозрачные люди. Даже не так. Словно с тысяч людей сняли кожу, как водолазные костюмы. Они висели рядами, растекаясь по вешалкам. Антон шёл так бесконечно долго, как ему показалось, причём без каких-либо эмоций. Медленные шаги по заполненному синеватым светом пространству. Без запахов и без температуры. Неожиданно странный гардероб закончился, и Антон оказался в комнате. Полностью пустой, залитой всё тем же синеватым светом. Раков моргнул. На потолке материализовалось белое кресло, и на нём как ни в чём не бывало вверх ногами сидел человек с головой шакала. Анубис указал рукой за спину Антона. Раков обернулся. За ним всё так же длинными рядами, уходящими вдаль и вверх, висели человеческие силуэты. Из их пустых глазниц во все стороны ударили яркие лучи белого света. Свет ослепил Антона. Потому он не сразу понял, что с невероятной скоростью приближается к нему издалека. Вот он уже смог различить, что это женщина. Вот он понял, что, не касаясь пола, на него мчится белая ведунья Наталья. Вот она запрокинула голову назад, неистово крича, так что перепонки отозвались болью.

Настолько противным и невыносимым стало происходящее, что Антона вырвало из этого бредового сна. Он оказался в кровати, влажной от пота. Остатки сна разорвал, как тонкую бумагу, застывший в ушах глухой крик ведуньи.

Тело ныло слабостью — то самое чувство, когда думаешь, что состоишь из старой ветоши. То самое состояние, когда случайно уснул ближе к вечеру и проснулся на закатном солнце. Так и было. Сил сон не подарил, но была надежда, что его продолжение всё же сделает свою работу. Антон погрузился сначала в дрёму и потом окончательно уснул снова.

В этот раз сон был как щелчок пальцами. Закрыл глаза и вот снова открыл.

Раков медленно сел. В сонном бреду он сгрёб постельное бельё по краям кровати, и теперь она больше походила на гнездо какой-нибудь птицы. Какое-то время он пытался понять, где находится. И как только понял, резко вскочил, отчего голова закружилась.

– Ох, ё!

Раков сделал паузу. Пульсация в голове затихла, взгляд прояснился. Он выпрямился. Увидел джинсы, которые валялись практически под кроватью, и сразу полез в карманы. Телефон оказался на месте, но батарейка вот-вот сдохнет. Попытался дозвониться до сестры. Параллельно гудкам, длинным, совершенно не дарящим надежду, принялся искать другую ценную вещь. Дневник Дюма оказался под по-

душкой. Попытка дозвониться до Алисы успехом не увенчалась. Как и последующие две. Ещё больше Антон наполнился злостью, когда выяснилось, что дверь комнаты была закрыта. Он несколько раз дёрнул за ручку. Сильно постучал, даже ладонь заболела. Телефон выдал на экран предсмертное уведомление. Осталось менее пяти процентов заряда батареи.

– Эй, выпустите меня, — заорал Антон, — хотя бы зарядку дайте! Эй!

За дверью никто не отозвался. Даже шорохов не было. Антон в гневе сжал телефон так сильно, что даже пластик корпуса закрипел.

– Выпустите! — снова закричал Раков и забарабанил в дверь ногой.

Тишина.

– Ладно! Ладно! — блогер попытался совладать со своим приступом.

Тем более от безуспешной борьбы с дверью уже болели рука и нога. «Ветряная мельница» побеждала. Он вернулся к кровати. Надел джинсы. Успел набрать номер сестры в последний раз, увидел, как экран погас, и услышал в трубке оборвавшийся гудок. Последняя нить, связывающая его с прежней жизнью, оборвалась. Всё, связь с внешним миром потеряна. Но ведь кто-то же должен из этого самого внешнего мира к нему прийти. Вряд ли Анубис, заключив с ним выгодную сделку, решил его просто замариновать в четырёх

стенах. Так он скипетр не найдёт. И почему вообще именно он? В голове Антона сразу выскочила песня «Кто ты?» Дец-ла. И тут же пропала за другими мыслями. Быстрому анализу подвергалось всё. Ответов, правда, не находилось ни одного. Хорошо, сделаем паузу.

Значит, надо подождать. Скоро точно кто-то придёт.

— Или нет? — уже вслух сам себя спросил Антон. — Так, это что тут у нас?

На столе. Да, в комнате был стол, который до этого в поле зрения Ракова совершенно не попадал. На нём стоял завтрак тире обед, а может, уже и ужин: рисовая каша, кусок чёрного хлеба с маслом и чашка кофе.

Антон подошёл к столу. Взял чашку с кофе в руки и понюхал. Сделал маленький глоток. Напиток неожиданно оказался очень вкусным, хоть и холодным. Антон не разбирался в сортах. Но предположил, делая очередной глоток ароматного напитка: кофе точно не из дешёвых.

Сначала была ярость. Потом – отчаяние. А потом... пустота в желудке заняла громче всех чувств. Инстинкт выживания пересилил. «Надо поесть», – смирился он про себя. Даже в ловушке нужно топливо.

Еда словно сменила в Ракове батарейку. Антон чувствовал прилив сил. По странному наитию сразу после приёма пищи он решил почитать дневник Дюма, который нащупал под подушкой. Если и ждать с моря погоды, то уж хоть с пользой. Поглядывая каждую секунду на дверь, Раков погру-

зился в чтение. Глаза побежали по страницам и строчкам, взгляд зацепился за новую заметку, которая до этого не появлялась.

*...Скрытни — так в Астраханской губернии называют всякую сущность, не имеющую ничего общего с людьми. Духи, бесы, лихи всякие и мертвецы разного толка (не путать с призраками). Ведут свой род и порождение от сил природы и от них питаются, как младенец молоком матери. У нас подобный мир именуется *Le monde invisible*, то есть Невидимый мир. Немцы переищёптываются: *Nebelreich* — Царство туманов. А в целом же на территории всей Руси испокон веку называли этот мир *Навь*. Но то было давным-давно, и память человеческая оказалась ой как коротка... потому в наших кругах принято называть их мир скрытым от взора... И мир этот всё так же опасен, как и сотни лет назад...*

ГЛАВА ПЯТАЯ (СЕМНАДЦАТАЯ)

30 июля 2024 года. День. Ресторан «Северяга».

За большим столом в вип-комнате дорогого астраханского ресторана теснились разной степени опрятности и нарядности мужчины и женщины. Точнее будет сказать, сущности: духи и черти. Потрёпанное дворянство невидимого мира.

Вместе с тем в том же зале проходил юбилей Аркадия Всеволодовича — местного бизнесмена. Два мероприятия друг другу никак не мешали. Но случись так, что гости бизнесмена и скрытни увидели бы друг друга, получился бы самый сюрреалистичный праздник на земле. Вот криков бы было. А так шумели по отдельности.

Участники городского совета скрытней шумно обсуждали всё и ничего сразу. До Ефима доносились только обрывки фраз. Он не стал привлекать к себе внимания, дожидаясь начала ежегодного собрания, стоял в стороне. Самый очевидный плюс Ефима был в том, что он (неожиданно) мог проявлять себя как в мире скрытней, так и в мире смердов. Пограничник. Единственный в своём роде. Вроде.

Зачем его каждый год звали уже лет 100, может, чуть больше, изобретатель знал очень хорошо. Во время официальной части будет просьба сделать доклад о его деятельности неза-

висимого наблюдателя за делами смердов. Хотя чего докладывать, они ведь и сами всё видят. Так хотелось скрытням поддержать чувство собственной важности. Ефиму надо было в городскую думу ходить докладывать. Но тут сразу в психушку можно загреметь. Легко.

После бутафорского доклада дело перейдёт к части неофициальной, Ефим будет слушать многочисленные колкости в свой адрес и мило улыбаться. Именно во время одной из таких увеселительных программ он получил своё прозвище — Суббота. Кто-то из банников пошутил: мол, Ефим так часто в своей бочке моется, что ему впору банником быть, а не водяным. Дальше уже слово за слово, и получилась «Суббота». Банный день у Ефима всегда. Забавно, но Ефиму это прозвище почему-то понравилось. Романтичная его натура сразу провела параллель с Пятницей из «Робинзона Крузо». Он тоже мёртв для своего племени, а Астрахань стала для него островом, с которого никуда не уплыть, но где он нашёл новую жизнь.

«Перетерпеть и потом год ещё не видеть их», — прямо сейчас думал Ефим. План железный. И, можно сказать, гениальный в своей простоте. Лучше, чем «Суббота», уже ничего не случилось и вряд ли случится сегодня. К тому же, учитывая его необычную способность к пограничному существованию, его всё же немного побаивались. А ещё среди скрытней ходили байки про многочисленные изобретения, которые Ефим сотворил за три столетия. Среди них был ошей-

ник, который превращал любого в свинью. Вдруг это правда? Или у него ещё что-то припрятано, пострашнее? В общем, обычно мерзко шутили до известных пределов и отставали.

Ефиму за столом места не оказалось. Потому он, недолго думая, сел на диван у стены, возле двери, из которой бойко выносились угощения на стол. Единственная суета, связанная с присутствующими.

Мир, скрытый от взора уже долгие десятилетия, оставался скудным на события. Смерды окончательно позабыли о существовании скрытней и во всякие сверхъестественные вещи не верили. Точнее, верили в натальные карты, таро да астрологию, с удовольствием несли скопленные деньги энергетическим коучам и мастерам духовных практик. Но про домовых, русалок, водяных и других духов и божков не вспоминали. Скрытни, в свою очередь, приспособлялись как могли. И получалось это у них плохо. По личному наблюдению Ефима, только деградировали от десятилетия к десятилетию всё больше. Тоскливое зрелище. Со времени сокрытия прошли столетия. Для скрытней — миг. Но как-то они умудрились, на астраханской земле уж точно, превратиться из могучих сил в тусклые тени. Силы, которым поклонялись, выпрашивая урожай и удачу, теперь разменивают остатки харизмы на дешёвое внимание. Хотя некоторые продолжали из себя строить хозяев положения.

Главный городской банник, например, открыл для себя новые горизонты «бизнеса». Общественные бани в Астраха-

ни дожили свой век и в итоге канули в Лету. Любовь местных к водным процедурам и пробирающему до костей жару неожиданно вылилась в домики для отдыха. Виллы да коттеджи с бассейнами и саунами стали новой вотчиной банника и его подчинённых. У вредного духа дела шли теперь в гору. За столом он сейчас сидел чуть ли не самым нарядным. В красивом, дорогом костюме-тройке. Правда, как заметил Ефим, костюм был весь измазан грязью, местами проступала плесень и солёные разводы. Банник оставался банником. Но пытался хорошо играть при плохой мине.

Удивительно, но двух симпатичных кикимор такой расклад устраивал. Их тянуло скорее к иллюзии успеха и силы, чем конкретно к баннику. Они сидели по обе стороны от напыщенного толстяка и приторно ухаживали за ним. Питались его двуличием. Хозяин баней, саун и бассейнов упивался своей востребованностью. При этом, конечно, понимал простую истину: всё внимание к нему, только пока он на коне.

Кто точно на коне не был, так это губернский водяной. Как заметил Ефим, владыка астраханских речных просторов смотрел на своего давнего недруга банника с особым презрением. Как смерды в реках мыться перестали, так вражда и началась между ними. Сейчас беды водяного были совсем в другом. Угодья его скуднее становились день ото дня. Реки мелели, рыбы и другой живности становилось всё меньше и меньше. А ловцы, то бишь рыбаки, перестали считать важ-

ным хоть какие-то подношения делать хозяину рек. Только из злых намерений браконьеров и оставалось силу черпать. На фоне богатого банника зеленоволосый водяной смотрелся ущербно.

За свою долгую жизнь Ефим посмотрелся на скрытней вдоволь. И на их медленное угасание. Для людского мира скрытни стали чем-то вроде соседей за стеной в многоквартирном доме. Типичные такие из 68-й квартиры, которые медленно спиваются, и из их квартиры несёт смрадом. Их иногда слышно. Иногда даже можно увидеть в местах истончения скрывающих куполов. Как бомж, уснувший на лавке в парке. В остальном же можно жить на одной лестничной площадке и никогда не встретиться. Скрытни в итоге, похоже, смирились с такой судьбой. Меньше суеты, междоусобиц за внимание смердов. Хуже не становится, как говорится, и на том спасибо.

Колдунам из Основателей удалось спрятать знания и истины, практически уничтожить ведъм и ведъмаков. Свести на нет жертвоприношения, подношения, молитвы. Отобратить веру смердов. Но старую, как сама земля, связь скрытней и сил природы им разорвать не удалось. Оттого скрытни и продолжали существовать. Свежую солёную рыбу завернули в пакет, в газету, потом убрали в ещё один пакет. А запах её всё равно просачивается. Но только рыбка эта тухнуть начала, потому что к пиву её так никто и не достал.

Перешёптывание тем временем всё нарастало. Степной

Блуд больше остальных проявлял активность. Речи его путались и противоречили сами себе, сбивая с толку всех, кто его слушал. Раньше он заставлял путников блуждать по лесам и степям, а теперь разговоры заводил в тупик. Какая разница? Получал одинаковое удовольствие от одного и от другого. Прямо сейчас у него в наслаждении от происходящего глаза загорелись еле заметным красным пламенем.

Прозвучал звонкий свист чёрта-секретаря совета — все замолчали и ровно уселись по своим местам. Резко наступившую тишину прервало хриплое приветствие всех членов городского совета крепко сложенным стариком с густой чёрной бородой. Он сидел во главе стола. Звали его Клим. В начале прошлого века, во времена установления советской власти, он, обычный домовый губернаторской усадьбы, смог заручиться поддержкой авторитетных скрытней и стал городовым. А до этого, с самого присоединения Астрахани, был в секретарях и советниках местной верхушки скрытней.

– Повестка у нас с вами сегодня нестандартная, — продолжал сразу после приветствия Клим. — Предлагаю доклады, предложения и жалобы оставить на конец, а прямо сейчас разобрать вопрос, который не ждёт отлагательств.

Все за столом принялись перешёптываться. Каждому не терпелось узнать, что там за вопрос такой у Клима, что не ждёт отлагательств. Что имеет в виду председатель совета? С другой стороны, как гиперактивные дети, они просто болтали без умолку о чём угодно.

– Сплетницы вы тысячелетние, ещё не наболтались? Будете воздух без толку сотрясать и дальше или могу говорить? — поинтересовался городской. Он не повышал голос, а его слова будто бы звучали в самой голове. Такой эффект точно чувствовал Ефим.

Злыдни замолкли первыми и спрятались на всякий случай под стол. Гнева более сильных скрытней эти низшие духи боялись как огня и были всегда максимально послушными. За ними замолкли и все остальные. Последним притихлеший — он всегда отличался нудным характером и не мог сразу остановить своих монотонных, нагоняющих тоску речей. Впрочем, он всегда бормотал какие-то обрывки старых заклинаний.

– Наконец-то! — подытожил окончание сумятицы Клим. — Суббота? Тьфу ты, Ефим! Ты где?

Вот тут скрытни снова хотели начать балаган, но городской больше ошибки не совершит и паузы не сделает.

– Я здесь, эт самое! — вставая с дивана, ответил Ефим.

– Давай! Ефим, тебе слово!

– Ну, значит, так, — Суббота собирался с мыслями. Комната наполнилась сдавленными смешками и гнетущей неловкостью момента. — Приехал в наш город блогер Антон Раков, — собрался наконец Ефим. — Приглядывать за ним меня изначально попросил Анубис, целей каких-то не обозначая. Следи, говорит, фотографируй, не высовывайся...

– Так это тот парнишка, которому у Персидского подворья

вчера по голове дали? — раздался вопрос из-за стола.

— Какой кошмар, это плохо! — возмутился городской дворовой. — Это очень плохо. Что смерды подумают? Приезжайте в Астрахань, у нас тут на улицах по голове битой бьют?

— Ой, да не паникуйте! Можно подумать, это единственная наша проблема... — резко прервал дворового Клим.

— Так вот, эт самое... — продолжил Ефим. — Есть подозрение, блогер этот не простой смерд.

— Не может быть! — чуть ли не хором вскрикнули скрытны.

— А чего это не может? — снова вклинился Клим.

— У Антона есть дневник Дюма, и он его может читать, — продолжил Ефим, уже набравшись смелости. — Как? Вопрос хороший: может, он какой-то потомок Сапожниковых. Анубис, в общем, его уже взял в оборот и попросил найти скипетр забвения. А приехал Раков в город по просьбе — внимание! — Андрея Котлова, — выпалил Суббота. И тут же подошёл к столу и бросил на его центр папку с фотографиями, которые делал последние четыре дня слезки.

Присутствующие с неподдельным любопытством кинулись их рассматривать. Там было всё: вот Антон у Старого моста и на Городском острове. Вот его встреча с Андреем. Разговор с профессором Донским и полученный от него дневник Дюма. Визит к колдунье. Побег ночью из гостиничного номера. И долгое, одинокое блуждание по спящему городу после. Четыре дня как на ладони.

– Также имеется запись, которую делали похитители Антона на видеокамеру в гараже. Да, блогера после удара битой какое-то время допрашивали. Что с похитителями сейчас, не скажу, не до этого было, — продолжил свой доклад Ефим. Почувствовав момент триумфа, он даже позабыл о своём коронном «эт самое».

– Молодец, Ефим! — не обращая внимания на суету, похвалил Субботу Клим.

– Кто такой этот Андрей? — поинтересовалась наконец одна из трёх сестёр-русалок. Каждый из присутствующих про себя облегчённо выдохнул. Глупым показаться не хотелось. В общем, Мава спасла положение и надуманную честь каждого скрытня в комнате.

– Хороший вопрос, моя дорогая. Это внук того самого Захара! Помните такого?

ГЛАВА ШЕСТАЯ (ВОСЕМНАДЦАТАЯ)

23 мая 1966 года. Вечер. Астрахань.

Ливень не прекращался уже часа три кряду. Город быстро помылся, но практически сразу заполнился потоками грязной дождевой воды. Образовавшиеся многоводные ручьи несли дорожную пыль и мусор вдоль бордюров. Улицы превратились в болота. Непогода налетела в конце жаркого дня, небо заволокли тяжёлые тучи. Кромешная тьма и гул крупных капель, стремительно падающих вниз. Порывы ветра, скачущие в разные стороны и срывающие с деревьев неокрепшую листву, быстро разогнали горожан по домам.

Сквозь сплошную стену ливня пробирался человек в кожаной куртке. Его туфли полностью промокли. Он ступал твёрдыми шагами, не обращая внимания на потоки воды и глубину луж. Мужчина вышел из нового жилого квартала, который недавно отстроили на улице Раскольниковова, в самый пик ливня. Прошёл мимо церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Затем мимо деревянных ворот парка Аркадия. Он и подозревать не мог, что ровно через десять лет улице дадут имя Академика Королёва, а прекрасный летний театр

сторит дотла. Сейчас его больше заботил путь сквозь непогоду и важное дело, которое выгнало его из дома. Мужчина, плутая по улочкам частного сектора Закутумья, продвигался в сторону Калининского моста. Уже у самого Кутума он тенью скрылся в одном из дворов.

В доме, в глубине двора, горел приглушённый свет, как от настольной лампы. Человек подошёл к двери и постучал.

– Кто там?

– Говор. Открывайте.

Послышались звуки открывающихся замков. Дверь распахнулась. За ней оказался небольшого роста мужчина, одетый с иголки: брюки, рубашка и жилетка.

– Говор, даже не смей так проходить в дом. Снимай всё в коридоре, я дам тебе сухую одежду.

– Может, уже впустишь? — всё это время Говор стоял под дождём.

– Да, да, заходи скорее, — мужчина в жилетке отошёл чуть назад и в сторону, чтобы пропустить ночного гостя. Мужчина в кожаной куртке обернулся и попытался всмотреться в темноту. Ничего. Он потряс телом, словно собака, которая стряхивает с шерсти воду, и зашёл. Дверь захлопнулась и защёлкала закрывающимися замками.

Спустя некоторое время Говор сидел в сухой одежде и пил горячий чай. И ворчал. Ему вся эта суета не очень нравилась. Почему нельзя было подождать до завтра, скажем?..

– Эй, Ропот, ты где там? Где у тебя сахар?

– Посмотри: там, под салфеткой на столе, сахарница стоит, — слышалось из дальней комнаты, — только ложкой своей туда не лезь.

– Нашёл, — Говор уже, естественно, залез своей влажной ложкой в сахарницу. — Где Шёпот?

– Чего? — Ропот вышел из дальней комнаты, держа в руках небольшой саквояж. — А, Шёпот здесь, — мужчина еле заметно, заговорщически, показал куда-то на пол. — Слушай, я за него беспокоюсь, он там уже две ночи сидит.

– Что-то говорил?

– Да не особо: продолжает твердить, что скоро всё закончится.

– Ладно, хватит дружеские посиделки изображать, пошли проведем его...

– За тобой точно никто не пришёл?

– Точно.

– Может, ещё немного подождём?

– Да точно не было хвоста. Я как дурак по парку гулял, ещё до ливня. Афиши театральные наизусть знаю теперь. Пошли уже...

– Ну да, наверное, ты прав.

Шёпот поставил саквояж возле себя и подошёл к ковру, который лежал в центре комнаты. Нагнулся и откинул его угол в сторону. Даже секунды не потратив на поиски, сразу же нажал на нужную половицу, и она немного приподнялась. Мужчина потянул за неё, и в полу появился узкий проход в

подвал.

Нижний этаж ничем не отличался от верхнего. Высокие потолки, деревянные полы. Только стены из голого кирпича. Спустившись по лестнице, Ропот и Говор прошли по небольшому коридору и оказались в просторном зале. У дальней стены стоял большой стол. От столешницы под самый потолок по стене уходили полки. На них стояли разные банки, мешочки, какие-то инструменты.

– Как дела, Шёпот?

Тот, кого называли Шёпотом, стоял у стола в полусогнутом положении. Он чем-то увлечённо занимался и сразу обращения не услышал.

– Эй! Захар! — громче прежнего позвал Говор.

– Ты чего делаешь? Без имён! — засуетился Ропот.

Говор пренебрежительно махнул рукой в сторону Ропота и двинулся в сторону Шёпота.

– О, Олег! — Захар выпрямился и повернулся.

– Да вы чего творите? — Ропоту явно не нравилось нарушение правил секретности. В обычной жизни Сергей, преподаватель Рыбвтуза, убедил Захара и Олега, что нужны псевдонимы. Придуманные им Шёпот, Говор и Ропот просто грели ему душу.

– Всё, всё, больше не будем, — снова отмахнулся Говор. — Старина, ты вообще спишь? — уже к Шёпоту обратился он.

– Братья, я, кажется, понял, как разрушить купол, — Захар заулыбался сумасшедшим оскалом. Света в помещении

было немного, и его провалившиеся от усталости глаза только прибавляли зловещего эффекта обстановке.

– Не может быть!.. — практически в один голос отозвались Говор и Ропот.

Долгие годы участники Артелей пытались решить одну самую важную задачу для своего рода и для скрытней заодно — уничтожение скрывающих куполов.

Началось всё в XII веке, когда стараниями царских колдунов была создана шапка Мономаха. Она стала первым успешным экспериментом по сокрытию. Наконец-то главный завет, данный ещё Радибором: «Знания все тайные, богами и предками отданные, от смердов скрыть...» — получил эффективное решение. При активации шапки Мономаха пару дней творились массовые помешательства, целыми деревнями с ума сходили, а потом всё как отрезало.

Затем шапки и императорские короны создавались каждый раз, когда нужно было произвести новое сокрытие. В те моменты, когда присоединяли новые земли, в частности. Все головные уборы становились частью Большого наряда царя. Хранили реликвии под особой защитой где-то в Сибири. Для их работы не требовалось физического присутствия на территории – магия действовала на расстоянии, накрывая всю страну наслоениями куполов, возведённых в разные эпохи.

– Я не уверен до конца, но, кажется, Астраханскую шапку уничтожить мы сможем!

Не сдерживая радостных эмоций, все трое разом обня-

лись. Мужчины практически плакали и ободряюще похлопали друг друга по спинам.

– Получается, мы сможем и все остальные разрушить, — не скрывая восторга, заговорил Ропот, — раз Астраханскую уничтожим.

– Рано радоваться, — вдруг остановил минутную слабость Захар. — Я только предполагаю, что знаю. Руки аж трясутся от волнения. Астраханский купол самый сильный.

– Знаем, знаем, «много разных народов в ханстве бывшем проживало, и много вер и истин разных нужно было скрыть...» — Говор хоть и был честным приверженцем дел Артелей, но всё же не упускал момента поязвить. Весь этот высокопарный флёр, которым сопровождались любые разговоры о былом, он не понимал.

Защитных печатей и сигиллов Основателями было наложено столько, что они, наверное, и сами уже не помнят. Но в деле сокрытия купола, то есть шапки, стали их главным орудием. Реальность превратилась в палимпсест: как на древнем пергаменте новые записи наносились поверх старых, так и знания о скрытных наслаивались, искажались и смешивались. Это породило современные представления о мифах и легендах и объясняет расхождения в преданиях – эффект Манделы в масштабах истории. Ведь сокрытия происходили и происходят по всему миру.

Это, в свою очередь, только осложняло дополнительно жизнь Артелям. Ценная информация передавалась дневни-

ками, устными рассказами, видениями. Но всему ли можно было верить и доверять, каждый решал сам.

Шёпот отошёл обратно к столу и взял с него небольшую записную книжку. В ней он зафиксировал все свои знания относительно шапок и различных разрушительных заклинаний и эликсиров.

– Вот смотрите. Нам нужны чертополох, Черепашинское розовое вино и часть древнего животного.

– И у нас всё это есть?

– Да, и плюс ведьминская частица нужна в любом проявлении вроде. Но тут уже ты нам поможешь, Ропот. Ты единственный пробудившийся среди нас, кто точно уверен, что ведёт свой род от братьев и сестёр Чуры.

– Ох... — только и выдавил из себя Ропот.

– Когда начнём? — не выдержал Говор.

– Сейчас!

Шёпот вернулся к столу и молча начал смешивать ингредиенты в большой эмалированной кружке. Ропот какое-то время наблюдал за процессом. Затем нащупал на шее цепочку и вытянул из-под одежды ключ, который на ней висел. Сбоку от стола, за которым работал Захар, на полу стоял сейф. Все его наружные поверхности были покрыты защитными символами. Шёпот присел и открыл его. Он потёр руки, которые вспотели от волнения, и достал из сейфа Шапку Астраханскую.

Примерно год назад странным стечением обстоятельств

артефакт оказался в руках радикальной секты «Гомон». Так в рапортах Основателей значилась троица, которая сейчас находилась в подвале. Саму же шапку долгое время считали утерянной. Поговаривают, что её выкрали в смутное время. Вывезли в Польшу и там проводили над ней тёмные ритуалы. Пытались разрушить, получить доступ к её силам. Видимо, безуспешно. Ведь сейчас она была здесь. Целая и активно исполняющая свою основную задачу.

– Положи вон там, на свободном столе, — бесцеремонно скомандовал Шёпот.

Так и было сделано. Ропот остался стоять рядом, к нему присоединился Говор. Он с любопытством рассматривал шапку. Она завораживала переливами света на драгоценных камнях.

– А что будет, если её надеть? — вдруг поинтересовался Говор.

– Да ничего не будет. Шапка же... — Шёпот, медленно помешивая содержимое в эмалированной кружке, подошёл к столу с головным убором. — Нужна твоя кровь.

– Моя? — переспросил Ропот.

– Всего несколько капель.

Говор взял на себя миссию по добыче крови. Он крепко схватил руку Ропота и кольнул шилом в большой палец. Кровь густой каплей упала в общее месиво из травы, масла и какого-то порошка. И... И ничего не произошло. Ни дыма, ни вспышки.

– Не сработало, что ли? — засуетился Говор.

– Что дальше? — добавил Ропот.

– Подождите! — Шёпот взял небольшую паузу, а потом заорал: — Разяще слово наше! Оковы скрытые, узы крепкия — да сокрушатся в прах! Сила родовая, волей нашей свободу яви! — и плеснул варево из кружки на шапку.

В комнате наступила болезненная тишина. Беззвучнее самой глухой ночи. И всё изменилось. Говор, Ропот и Шёпот почувствовали это. Странное, необъяснимое облегчение. Словно нести тяжесть очень долго и забыть, как было без неё. Но вот выпускаешь груз из рук, и они словно парят.

– Ахахах, вот идиоты!

Все трое вздрогнули и резко обернулись. На сейфе, неестественно изогнувшись, сидело нечто, напоминающее облезлого старика. Его голова была слишком велика для тела, а из открытого рта торчали острые, крошечные, напоминающие кошачьи, зубы.

– Какого чёрта? — озвучил мысли каждого из троицы Говор.

Мерзкий старик явно удивился. Спрыгнул с сейфа и сделал пару шагов в сторону мужчин.

– Так вы меня видите, что ли? Интересный поворот...

– Ты кто такой? — осмелел Говор. Шёпот и Ропот всё ещё стояли как вкопанные.

– Ну, точно не чёрт! — старик задумался и огляделся. — Домовой я! — он резко расхохотался, сорвался с места и,

подскочив к столу с полками, схватил с него нож.

– Эй, полегче! Мы не хотим тебе зла! — очнулся Шёпот. При этом все трое медленно попятились назад. Старались оказаться ближе к выходу.

Старик-домовой сделал несколько шагов и растворился в воздухе. Испарился. А через секунду Говор согнулся от резкой боли.

– Это что, кровь? — Говор посмотрел на свои руки – они были багровыми. На животе расплывалось кровавое пятно. Секунда – и на груди возникло, тут же увеличиваясь, ещё одно.

– Олег! — Ропот поймал падающего Говора. Тут уже было не до конспирации. Когда он попытался заговорить с другом, тот уже умер.

Со стены попадали мешочки и банки. А потом разом сломались в середине все полки. На столе материализовался старик-домовой, в руке он держал окровавленный нож.

– Смерды, – просипело существо, и его голова повернулась на 180 градусов, – кто же будет следующим? Главный задира — минус... Сейчас с вами решу вопрос, — мерзкое существо посмотрело на нож и длинным языком слизало с него кровь, — шапку заберу. Наконец, избавлюсь от обязательств...

– Ах ты гад! — Ропот вытащил из саквояжа, стоявшего всё это время у входа в комнату, странного вида пистолет, по всей поверхности ствола которого были нанесены различные

символы. Сделал два прицельных выстрела.

Домовой тут же обмяк и упал на пол перед столом.

– Они меня видят! Купол нарушен, хозяин... — прохрипел скрытень.

– Заткнись, тварь, — Ропот сделал пару шагов в сторону домового, снова прицелился и выстрелил в огромную голову старика.

Ни секунды не мешкая, Ропот подошёл к скрытню и пнул его ногой. Убедился, что существо больше не шевелится. Засунул пистолет за ремень. Схватил первый попавшийся мешок, запихал в него шапку.

– Надо уходить!

– А как же Говор? Нельзя его тут оставлять, — возмутился Шёпот.

– Придётся...

– Не спешите уходить, — услышали незнакомый басовитый голос Ропот и Шёпот.

Дом Ропота, несмотря на продолжающийся ливень, сгорел как спичка в ту же ночь. Он сам, тело Говора и шапка бесследно пропали. А тело Захара Котлова обнаружили на окраине города с аномальными ожогами и лицом, искажённым ужасом. Что Шёпот увидел в последний момент – остаётся тайной.

Официальное расследование сочло всё произошедшее несчастным случаем. Но с тех пор в городе участились слу-

чай «массовой истерии» и «помешательств». Купол, видимо, дал трещину, которую уже нельзя было залатать полностью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ (ДЕВЯТНАДЦАТАЯ)

30 июля 2024 года. День. Ресторан «Северюга».

Все участники городского совета молчали. Было слышно шуршание одежды да сдавленное дыхание. Клим привстал со своего места и опёрся обеими руками на стол. Теперь он смотрел на всех свысока не только метафорически. В такие моменты Ефим всегда ловил приятное тёплое ощущение. Хоть кто-то в мире скрытней не становится тряпкой и размазнёй. И весьма радуется быть другом такого городского. Железную волю почувствовали и кикиморы, которые вожделенно бросили свои хитрые взгляды на председателя совета.

— Диверсия «Гомона» — неизгладимая ошибка каждого из присутствующих здесь! — продолжил Клим. — Проморгать шапку и допустить убийство одного из нас непростительно! И всё из-за авантюры Захара Котлова! И теперь его внук...

— Меня вообще тут не было, — заголосил Степной Блуд, — не надо обобщать...

Злыдни сразу поняли, что сейчас будет, и снова попрыгали под стол. Все притихли. Глаза сидевших за столом за-

бегали от Блуда к Климу, от Клима к Блуду.

— Не надо что делать? — переспросил Клим, сжимая ладони в кулаки. — Не слышу, Блуд! ЧТО?

— Не надо было обобщать, говорю, и делать на всех один предзаказ по меню, — Блуд резко скис и попытался ухватить что-то вилкой из общей тарелки с мясной нарезкой. Как ни в чём не бывало, надеясь, что его трюк сработает. Но Клима это лишь окончательно привело в ярость. Он резко ударил кулаком по столу, да так, что вся посуда и столовые приборы подпрыгнули.

— Заткнись! — заорал Клим во всё горло. Ефим такой злости в городском не видел как раз с 60-х.

Гости юбилея Аркадия Всеволодовича тоже неожиданно ощутили на себе эту ярость: в вип-комнате замерцал свет. Те, кто мучился с давлением, ощутили пульсирующие удары в висках. Объяснили всё логичными замечаниями про слабую проводку старого фонда и громкую музыку. И в целом праздник продолжился своим чередом.

— Чтоб я твоей ноги здесь больше не видел. Понял? — уже менее надрывно, но всё же кричал Клим. — Никогда!

Городовой бросил грозный взгляд на чёрта-секретаря. Тот, поняв всё без слов, быстро засеменял копытцами к Блуду и затем вывел его из комнаты. Степной скрытень не сопротивлялся. Оставшиеся даже попытки не сделали хотя бы проводить Блуда взглядом.

— После кощунства, которое сотворил Захар и его бан-

да, где вы все были? Спрятались по своим норам, — Клим несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. Сделал два больших глотка вина. Поймал более спокойную ноту и продолжил.

– Думаю, никто не будет отрицать, что сегодняшнее положение ваших дел и вся ваша жизнь в скрытом мире уже никуда точно не денется! Ой, давайте будем честными, никто из вас уже и не помнит, как ему на алтари ягоды да травы приносили. И никто не ринется за свою паству бороться, рухни сейчас купол.

Все утвердительно закивали. Кто-то более активно, кто-то менее. Но Климу и так всё было ясно.

– Если Андрей Котлов закончит дело своего деда и сломает купол, для скрытней Астраханской губернии наступят тёмные времена. Он сломает его грубо, варварски! Порядок, пусть и странный, будет нарушен! Нас просто сметёт этой волной, или смерды, наконец прозрев, возьмутся за вилы и огонь! Мы не должны этого допустить!

Скрытни сидели в некотором замешательстве. Что значит «мы должны»? Но спрашивать теперь и уточнять никто не стал, все надеялись, что каждого из них лично это не касается. Даже Мава решила отмолчаться. Это «мы», наверное, про каких-то условных «мы», а не про тех, кто сейчас за столом. Там, в подвалах и чердаках, в переулках и дворах, где угодно, в общем-то, куча скрытней. Кто-то из них точно входит в это Климовское «мы».

– И очень удачно в городе сейчас этот... — Клим на секунду задумался.

– Антон Раков, — помог вспомнить Ефим.

– Да, Раков, — Клим еле заметно в благодарность кивнул Субботе. — Пусть поможет египетскому эмигранту найти скипетр. Анубис, как всегда, думает, что он самый хитрый и умный, – пробормотал, размышляя, Клим. — Ищет ключ к старой власти. Только вот вопрос – над кем? Над нами всеми? Ну, посмотрим.

– Ничего не понятно, но очень интересно, — в один голос пропищали кикиморы. Они явно хотели удариться в хвалебные речи в адрес сильного и волевого Клима, но их тут же одёрнул банник.

– Значит так, Ефим! Ты у нас пограничник, тебе сейчас и быть на передовой. Скипетр Забвения поможет нам восстановить силу шапки Астраханской. И то и другое, видимо, найдём с помощью этого Антона твоего. Удачно всё складывается.

– Эт самое, сделаем. Со скипетром мы уже на полпути, так сказать, так что, как раздобудем его, сразу к вам.

– Значит, на том и порешим. Леший, ты где? — поинтересовался Клим.

– Тута! — отозвался скрытень.

– Надеюсь, у тебя хоть какая-то власть над собаками осталась. Узнай, какие доносы они делали Анубису в последнее время.

– Попробую, — тяжело вздыхая, ответил леший.

– Уж постарайся как следует и потом всё Ефиму передай.

– Ладно, пойду я тогда, — Суббота собрал все фотографии со стола обратно в папку и пошёл по направлению к выходу.

– Подожди, — Клим вышел следом за Ефимом и, закрыв дверь с другой стороны, по-дружески обнял его за плечи.
— Ты как в целом? Извини за это всё.

– Всё понимаю, Клим. Спасибо, у меня всё хорошо. Как обычно, если быть точнее, эт самое.

– Вот и славно. Если будут какие-то проблемы, ты говори, не стесняйся. Ты да я, по сути, и будем всё это разгрэбать, знаешь ведь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.